

Протоиерей Иоанн Кванчиани

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ЕВАНГЕЛЬСКИХ ПРИТЧАХ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ БИБЛЕИСТИКЕ

В статье представлен обзор взглядов отечественных дореволюционных библистов на евангельскую притчу. Первым евангельские притчи изучал архиеп. Сильвестр (Лебединский), он же одним из первых поставил в русской библиестике вопрос о контексте понимания притчи. Его подход соответствовал эпохе. Он понимал под притчей аллегорию, оттеняющую прямую речь изящностью образа, имеющую функцию усиления воздействия на слушателя. Схожего мнения придерживался и еп. Виталий (Гречулевич). Н. И. Виноградов пытался применить к изучению притчи научные знания своего времени, однако анализ его воззрений на притчу показал, что его работа представляет собой механическое соединение различных мнений, почерпнутых им из изученной разнообразной литературы. Исследование показало, что западнический подход оказался малоприменим в традиции русской библиестики к притчному материалу в попытке синтезировать его с православной догматической системой. Несмотря на кажущееся расширение кругозора выпускников духовных академий конца XIX в. можно утверждать, что созданное в духе времени сочинение архиеп. Сильвестра — значительно более фундаментальный, самостоятельный и непротиворечивый труд, посвященный евангельской притче, нежели последующие.

Ключевые слова: архиепископ Сильвестр (Лебединский), епископ Виталий (Гречулевич), Н. И. Виноградов, евангельские притчи, дореволюционная библиестика, понятие притчи, характеристики притчи.

Среди тем научных изысканий, популярных толкований, торжественных слов и поучений по библейской проблематике одной из наименее затронутых оказалась тема евангельских притч. Она не разрабатывалась ни одним известным *отечественным дореволюционным* библистом или богословом всерьез, редко становилась предметом изысканий монографического характера или разбиралась системно. Тем не менее, в контексте изучения истории русской библиестики немаловажным представляется вопрос, что именно понимали в русской библиестике под притчей и почему.

Первым в русской библиестике трудом, посвященным притчам, стал «Притчник евангельский, или Изъяснение притчей...» (1-е изд. 1796 г.) архим. Сильвестра (Лебединского), впоследствии архиепископа Астраханского и Кавказского. В предисловии он заявил, что не имел «намерения совершенно истолковать притчи евангельские все; но цель начинания... состояла в том, дабы из притчей сделать пристойные рассуждения с полезными нравонаставлениями» [Лебединский, 1822, 9].

Значение притчи архим. Сильвестр выводил из представления о Боге как Премудрости, Которая явилась в мире, «скрыв сияние Своего Божества» по причине «потемнения» света премудрости, зажженной Богом в человеческих сердцах. Фактически это утверждение подводило к мысли, что ввиду испорченности человеческого восприятия и «прикровенности» пришедшего в мир Божества и обращение Бога к человеку будет носить «прикровенные формы». Поэтому, определяя место притч в евангельских обращениях Христа к слушателям, архим. Сильвестр поставил их в ряд «спасительных наставлений, утешений, обещаний и угроз», среди которых

Протоиерей Иоанн (Эрекле) Кванчиани — преподаватель кафедры библиестики Тбилисской духовной семинарии (kvantchiani67@mail.ru).

притчи позволяли Господу «учение Свое сделать приятнейшим, подобно живописцу, которой темный лес умеет сделать ясным, помощью красок» [Лебединский, 1822, 5]. Этими словами архим. Сильвестр попытался определить жанр притчи как жанр изящного образного языка, обладавшего большим художественным потенциалом, что позволяло слушателям Христа зримо представить суть Его учения. В таком определении жанра притчи архим. Сильвестр совершенно соответствовал духу своего времени: *изображение сюжета* в ярких узнаваемых человеком XVIII в. образах обладало эффектом аллегории, которым активно пользовалась эстетическая система как барокко, так и раннего классицизма [РГЭС, 2002, 60]. Поэтому он определял содержание притч как «проницательное и чувствительное, а особливо когда простая речь или предходит, или последует оному». Иными словами, притча есть аллегория, оттеняющая прямую речь изящностью образа, без объяснения, содержащегося в прямой речи, не существующая, имеющая функцию усиления воздействия на слушателя [Лебединский, 1822, 6].

Таким образом, архим. Сильвестр одним из первых поставил в русской библеистике вопрос о **контексте**, в котором фигурируют евангельские притчи. Однако сама по себе постановка вопроса была еще весьма несовершенной, поскольку контекст, который предлагал рассматривать архим. Сильвестр, **был не ситуационный, а только речевой**. Это вполне понятно, если учесть эпоху, когда писал будущий архиепископ [Шибяева, 1987, 135–146]. Выделяя цели, ради которых Христос использовал язык притчи, он отмечал именно вспомогательную функцию притчи, не имевшей, по его мнению, самостоятельного значения. Так, реагируя на простоту слушателей и критику, Христос предлагал поучения в форме притч, чтобы, по мнению архим. Сильвестра, вынудить слушателей вдумываться в значение его слов более «прилежно» и «тщательно» [Лебединский, 1822, 6–7]. Приложение труда при постижении смысла притчи в конце XVIII в. уже мыслилось не в контексте аллюзий, легко вызываемых барочными аллегориями, а как своеобразный «героизм» слушателя, отзывающегося на героизм Говорящего. Это навело архим. Сильвестра на аналогию притчи и басни, обладающей обличительным пафосом [Лебединский, 1822, 8]. В годы написания им труда о притчах уже был известен как сатирик, а чуть позднее — и как баснописец, И. А. Крылов [Святополк-Мирский, 2006, 124–125]. Поскольку в конце каждой басни Крылова следовала «мораль», т. е. вывод, расшифровывавший содержание, а в самих Евангелиях после притч толкование бывало не всегда, богослов сделал вывод, что смысл притчи отличен от басни именно неочевидностью смысла, чтобы читающий был подготовлен к ее восприятию и надеялся, что «сей смысл сам Дух Святый изъяснит» [Лебединский, 1822, 8].

Данного вывода оказалось достаточно, чтобы на протяжении более полувека к притчам не прикасались рука и ум церковного ученого. Библеисты, наука которых активно развивалась на протяжении всего XIX в., избегали делать выводы относительно евангельских притч, довольствуясь книгой архим. Сильвестра. Характерен в связи с этим подход *консервативно* настроенного протоиерея Василия Гречулевича, впоследствии архимандрита и епископа Виталия. Он, вслед за архиеп. Сильвестром, понимал под притчами «иносказания», характерные для народного образного языка и быта, характеризовавшиеся «прикровенностью» ради охранения учения от поругания [Гречулевич, 1901, 3].

К концу XIX в. ситуация изменилась: была написана первая (и последняя) в дореволюционной русской библеистике магистерская диссертация, посвященная притчам. Автором этого труда стал выпускник Московской духовной академии Н. И. Виноградов, защитивший свою диссертацию почти через двадцать лет спустя после окончания Академии, в 1893 г. Сама диссертация вышла в форме монографии в 1890 г. В первых строках предисловия к работе Н. И. Виноградов сразу отметил, что имеются западные работы о притчах, неизвестные в русской библеистике. Среди пособий, которыми он пользовался, была переводная книга англиканского богослова архиепископа Тренча, несколько немецких книг и труд архиеп. Сильвестра [Виноградов, 1890, 3].

Определение притчи, которое он дает в предисловии, заметно отличается от того, которое было опубликовано в «Приточнике». По мнению Н. И. Виноградова, притчей является «образная речь, в которой та или другая отвлеченная нравственная истина раскрывается наглядно в форме рассказа о каком-либо событии измышленном, но правдоподобном» [Виноградов, 1890, 5]. В этом определении очевидно не только изменение эпохи и большая точность и научность мысли, но и влияние западноевропейской библейской критики. Обратим внимание на особенности данного определения, которые частично автор попытался раскрыть в дальнейших рассуждениях.

Сделав акцент на том, что мысль в притче первична, а форма ее — вторична, Н. И. Виноградов отметил, что поскольку в притче выражена отвлеченная мысль, сама притча есть прежде всего и практически не более чем фигура речи. По его мнению, мысль, выражаемая притчей, абстрактна, т. е. практически малоприменима (и предложенная Н. И. Виноградовым характеристика «отвлеченности» мысли притчи «с головой» выдает западные корни его рассуждения), что кардинально отличает выводы церковного ученого конца XIX в. от рассуждений ученого монаха конца XVIII в. и вообще от церковной традиции понимания Евангелия¹. Наконец, Н. И. Виноградов утверждал, что сама по себе приточная ситуация всегда есть «измышление» ее автора, т. е. не только мысль, но и форма абстрагированы от действительности. Правда, автор диссертации попытался «оправдаться» тем, что некоторые притчи «представляются до того живыми и наглядными, что трудно становится решить, есть ли подобный рассказ... простое повествование о действительно происшедшем событии». При этом правдоподобность притч Н. И. Виноградов очень неуклюже попытался объяснить тем, что в качестве «приточного материала» использовались бытовые или природные примеры (данные) [Виноградов, 1890, 5].

В определении Н. И. Виноградова наметился отход от мысли архим. Сильвестра: «народность» и образность приточного языка он объяснял «народным происхождением» Спасителя и склонностью восточного менталитета к художественной образности [Виноградов, 1890, 6–7]. Эта «этнографическая» характеристика основывалась на наблюдениях западных библеистов и знакомстве их с историко-этнографической литературой и лишила представления о притче внятности и узнаваемости современным Н. И. Виноградову читателем, что отличало подход архим. Сильвестра. Поскольку указанная образность, склонность к приточному языку, по словам библеиста конца XIX в., была характерна едва ли не в первую очередь еврейским раввинам эпохи Христа, т. е. книжникам и фарисеям [Виноградов, 1890, 6], то Н. И. Виноградов лишил представление о притче ставшего с легкой руки архим. Сильвестра привычным «герметизма». Однако данный вывод, в принципе логичный, оказался несовместим с традиционным объяснением слов Спасителя о притче, что притча это форма поучения для «непосвященных в тайны знания» (см. Мф 13:11–18, Мк 4:11–13), поскольку для ее понимания требовались недюжинные умственные усилия — распознавание за бытовыми, внешними образами духовного смысла, что едва ли было легко делать простонародью.

Ради придания притчам возвышенного характера, после утверждения о народном характере притч, Н. И. Виноградов заявлял, что «образная приточная речь Христа Спасителя бесспорно обуславливалась тою священной важностью, тем священным достоинством, с которым Спаситель... понимал и исполнял Свое великое дело». Однако, судя по дальнейшим словам диссертанта, речь идет о том, что Христос не вполне понятными притчами хотел показать, что его учение носит второстепенный характер по сравнению с фактом спасения человечества. Сама по себе эта мысль кажется вполне мистически (а вернее, догматически) православной, однако в ней заложен тот ущербный элемент, который мешает видеть в притче народные корни. Эта мысль в корне несовместима с утверждением, что Спаситель «для осуществления

¹ Примеров можно привести множество. В качестве одного из наиболее крупных — сочинение свят. Иоанна Златоуста «О Лазаре» [Иоанн Златоуст, 1898, 778–877].

этого [дела]... нередко пользовался тою словесною формою, которая приводила в сильное движение внутреннюю жизнь Его слушателей», т. е. «возбуждала внимание», «будила их воображение», «делала [истину] доступно пониманию и для лиц, мало образованных» [Виноградов, 1890, 7].

Ощущение, что мысли, выраженные в одном абзаце, не связаны друг с другом единой логикой, а соединены механически, будучи набраны из разных источников, усиливается непоследовательностью всего замысла диссертации. Так, мысль о «священном достоинстве Христа» явно взята из догматического учения Церкви (без привязки к притчам из Евангелия), Н. И. Виноградову показалось уместным адаптировать ее и к разбираемому им материалу [Виноградов, 1890, 7; Булгаков, 1993, 103–125]. Следующее звено о том, что Спаситель «не хотел, подобно мудрым мужам классической древности, основать новую школу ученых», заимствовано из западноевропейских пособий. Казалось бы, эта мысль снова могла быть подтверждена догматическим утверждением о превосходстве подвига спасения над учением. Но весь этот блок, как показалось Н. И. Виноградову, оказался единственным в предисловии местом, где можно и нужно вставить заключение архим. Сильвестра о народном характере притчи, тем более что это согласовывалось с мнениями западных библеистов.

Можно, таким образом, констатировать, что работа Н. И. Виноградова представляет собой механическое соединение различных мнений, почерпнутых им из изученной разношерстной литературы. Это наблюдение находит подтверждение, когда читатель обнаруживает, помимо попыток объяснить казалось бы противоречивые особенности приточного языка, «модную» тогда психологическую причину применения приточного языка — «идеальное, глубоко религиозное воззрение на мир и жизнь, которое нередко всему придавало значение духовного, вышесемного» [Виноградов, 1890, 7]. Сочетание этнографических наблюдений с психологическими рассуждениями и догматическими формулировками в объемах научных знаний конца XIX в. выглядят не только наивно и необедительно, но и подчеркивают искусственность соединенных Н. И. Виноградовым наблюдений без попытки создать стройное, по возможности непротиворечивое видение притчи как новозаветного явления, что когда-то вполне удалось архим. Сильвестру. Пытаясь дополнить характеристику приточного языка заимствованными из различных пособий соображениями (прежде всего лингвистическими западными), Н. И. Виноградов попытался противопоставить притчу басне и аллегории. Если первое противопоставление достаточно убедительно подкреплено замечанием о роли гротеска и смеха в басенном жанре при минимуме его в приточном, то противопоставление притчи и аллегории ему явно не удалось [Виноградов, 1890, 7–9]. Аллегоричность он видел только в приточных речах Евангелия от Иоанна [Виноградов, 1890, 5].

И все же, в целом, обращение к западной библейской мысли в попытке определить роль и место притчи как евангельского жанра и формы передачи идеи оказалось в русской библеистике неудачным². Возможно, здесь сказалась своеобразная особенность Н. И. Виноградова как не вполне убедительного компилятора, однако ни продолжателей, ни подражателей, ни оппонентов, которые взяли бы монографически пересматривать взгляды Н. И. Виноградова, не нашлось. Обращения же к отдельным притчам в журнальных статьях нечасто дают возможность понять во всей полноте, что тот или иной автор подразумевал под притчей.

Наше исследование показало, что западнический подход оказался малоприменим в традиции русской библеистики к приточному материалу в попытке синтезировать его с православной догматической системой. Возможно, трансляция западных взглядов на евангельские притчи в русскую библеистику без попыток адаптации ее под православную систему взглядов дала бы иной эффект, однако таковой

² Практически так же отозвались о диссертации и оппоненты — проф. А. П. Смирнов и доцент М. Д. Муретов. Первый заявил, что диссертация «имеет совершенно случайное происхождение», а второму не хватило «археологической стороны», в то время как сочинение, по его мнению, «представляет собою доброе назидательное чтение» [Соколов, 1893, 198–206].

в дореволюционной библеистике не наблюдается. Несмотря на некоторое кажущееся расширение кругозора выпускников духовных академий к концу XIX в., отразившееся в том числе и в подходе к приточному материалу, следует утверждать, что созданное вполне в духе времени, впитавшее в себя мировоззрение эпохи сочинение архим. Сильвестра являлось значительно более фундаментальным, самостоятельным и непротиворечивым трудом, посвященным евангельской притче, что и стало невольным (едва ли осознанным) поводом к переизданию его в наши дни, что не было предпринято в отношении иных русских дореволюционных изданий, посвященных евангельским притчам.

Источники и литература

1. Булгаков (1993) — *Макарий (Булгаков), архиеп. Харьковский*. Православно-догматическое богословие. СПб., 1868. Т. 2. (Репринт: М., 1993.) С. 103–125.
2. Виноградов (1890) — *Виноградов Н. И.* Притчи Господа нашего Иисуса Христа. М., 1890.
3. Гречулевич (1901) — *Виталий (Гречулевич), еп.* Притчи Христовы. Изд. 3-е. СПб., 1901. (Первое издание — 1864).
4. Иоанн Златоуст (1898) — *Иоанн Златоуст, свт.* Творения. СПб.: Изд-во СПбДА, 1898. Т. 1. Кн. 2. С. 778–877.
5. Лебединский (1822) — *Сильвестр (Лебединский), архим.* Приточник евангельский, или Изъяснение притчей во святом Евангелии обретающихся, на мнении святых отец основанное. С приложением душеспасительных приличных всякой притче рассуждений и богословских нравоучений. М., 1822.
6. РГЭС (2002) — Российский гуманитарный энциклопедический словарь: в 3 т. М.: Гуманит. изд. центр Владос, Филол. фак-т СПбГУ, 2002. Т. 1. С. 60.
7. Святополк-Мирский (2006) — *Святополк-Мирский Д. П.* История русской литературы с древнейших времен по 1925 год / пер. с англ. Р. Зерновой. Новосибирск: Свинын и сыновья, 2006. С. 124–125.
8. Соколов (1893) — *Соколов В. А.* Магистерские диспуты // Богословский вестник. 1893. № 4. С. 198–206.
9. Шиббаева (1987) — *Шиббаева М. М.* Человеческая субъективность и культура // Культура, человек и картина мира / отв. ред. А. И. Арнольдов и В. А. Кругликов. М.: Наука, 1987. С. 135–146.

Archpriest John Kvanchiani. The Understanding of the Gospel Parables in Pre-Revolutionary Biblical Scholarship.

Abstract: The article provides an overview of the views of Russian pre-revolutionary biblical scholars on the Gospel parables. The first to study the Gospel parables was Archbishop Sylvester (Lebedinsky), who was one of the first to raise in Russian biblical studies the question of the context of understanding a parable. His approach corresponded to his time. He understood by a parable an allegory that obscures direct speech by the elegance of the image, which has the function of enhancing the impact on the listener. Bishop Vitaly (Grchulevich) was of the same opinion. N. Vinogradov tried to apply the scientific knowledge of his time to the study of parables, but an analysis of his views on parables showed that his work is a mechanical combination of various opinions drawn from the various literature he had studied. The study showed that the Westernist approach was of little use in the tradition of Russian biblical studies to the inflow material in an attempt to synthesize it with the Orthodox dogmatic system. Despite the apparent expansion of the horizons of graduates of theological academies of the late nineteenth century. It can be argued that the essay created in the spirit of the times by Archbishop Sylvester is a much

more fundamental, independent and consistent work dedicated to the Gospel parable, rather than subsequent ones.

Keywords: Archbishop Sylvester (Lebedinsky), Bishop Vitaly (Grechulevich), Nikolay Vinogradov, Gospel parables, pre-Revolutionary Biblical Studies, parable, characteristics of parables.

Archpriest John (Erekle) Kvanchiani – Lecturer at the Department of Bible Studies at Tbilisi Theological Seminary (kvantchiani67@mail.ru).

Sources and References

1. Bulgakov (1993) – Makariy (Bulgakov), archbish. of Khar'kov. *Pravoslavno-dogmaticheskoye bogosloviye* [Orthodox dogmatic theology]. Saint Petersburg, 1868, vol. 2, pp. 103–125. (Reprint: Moscow, 1993). (In Russian).

2. Grechulevich (1901) – Vitaliy (Grechulevich), bish. *Pritchi Khristovy* [*Parables of Christ*]. 3rd ed. Saint Petersburg, 1901. (1st ed. – 1864). (In Russian).

3. Ioann Zlatoust (1898) – St. Ioann Zlatoust. *Tvoreniya* [St. John Chrysostom. *Compositions*]. Saint Petersburg: SPbDA Publ., 1898, vol. 1, part 2, pp. 778–877. (Russian translation).

4. Lebedinskiy (1822) – Sil'vestr (Lebedinskiy), archim. *Pritochnik evangel'skiy, ili Iz'yasneniye pritchey vo svyatom Evangelii obretayushchikhsya, na mnanii svyatykh otets osnovannoye. S prilozheniyem dushespasitel'nykh prilichnykh vsyakoy pritche rassuzhdeniy i bogoslovskikh nravoucheniy* [*The Gathering of the Gospel, or the Explanation of the Parables in the Gospel of the Gainful, is founded upon the opinion of the saints. With the application of the soul-saving and decent to every parable of reasoning and theological morals*]. Moscow, 1822. (In Russian).

5. RGE (2002) – *Rossiyskiy gumanitarnyy entsiklopedicheskiy slovar': v 3 t* [Russian humanitarian encyclopedic dictionary: In 3 vol.]. Moscow: Gumanitarnyj izdatelskiy tsentr Vlados, Filologicheskij fakul'tet SPbGU, 2002, vol. 1. p. 60. (In Russian).

6. Shibayeva (1987) – Shibayeva M. M. Chelovecheskaya sub'yektivnost' i kul'tura [Human Subjectivity and Culture]. *Kul'tura, chelovek i kartina mira* [*Culture, Man and Picture of the World*]. Ed. by A. I. Arnol'dov and V. A. Kruglikov. Moscow: Nauka, 1987, pp. 135–146. (In Russian).

7. Sokolov (1893) – Sokolov V. A. Magisterskiye disputy [Master disputes]. *Bogoslovskiy vestnik*, 1893, no. 4, pp. 198–206. (In Russian).

8. Svyatopolk-Mirskiy (2006) – Svyatopolk-Mirskiy D. P. *Istoriya russkoy literatury s drevneyshikh vremen po 1925 god* [The history of Russian literature from ancient times to 1925]. Transl. by R. Zernova. Novosibirsk: Svin'in i synov'ya, 2006, pp. 124–125. (Russian translation).

9. Vinogradov (1890) – Vinogradov N. I. *Pritchi Gospoda nashego Iisusa Khrista* [*Parables of our Lord Jesus Christ*]. Moscow, 1890. (In Russian).